

Имена и времена

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

В скором времени Омское издательство выпускает новую книгу Александра Лейфера «Удивительная библиотека» (Рассказы о старых книгах и книжниках). Написана книга на материале, связанном с литературным прошлым нашего края. Однако то и дело проблемы далекого или недавнего прошлого тесно переплетаются с нашим сегодняшним днем. Это обстоятельство обусловило появление в книге своего рода «второго слоя» — «Заметок на полях» — написанных от первого лица публицистических отступлений. Так, после главы «Два рассказа о Петре Драверте» идут «Заметки на полях», текст которых предлагается сегодня вашему вниманию.

Есть с недавнего времени в нашем городе, на Левобережье, бульвар Архитекторов. Славное в общем-то название. И даже в какой-то степени заслуженное. Хоть мы и ругаем архитекторов наших, хоть и упрекаем в том, что Омск ваш, благодаря их трудам, медленно, но верно теряет свое лицо, но ведь и их пожелать надо: архитектура — такая вещь, в которой все понимают. Понимают (а, следовательно, — и критикуют) все, а работают-то только одни они — архитекторы. Так что, вроде бы, все по-человечески: есть теперь у представителей этой вечно на семи ветрах находящейся профессии своя топонимическая отрада души — свой бульвар. Легче, видимо, теперь переносить ту же критику распоясавшейся в последнее время общественности по поводу, допустим, необоснованного якобы сноса какой-нибудь архитектурной руды, мешающей претворению генеральных планов, простирающихся до конца второго тысячелетия и далее.

Все бы, вроде, хорошо. Но это только с виду. Оказывается, и тут архитекторов наших бедах ущемляли: отдали им чужое название. Не верите? А вы съездите на этот бульвар, приглядитесь — там на некоторых домах все еще старое название проступает: «Улица Драверта». Появилось оно после 1979 года, когда вся культурная Сибирь (а Омск особенно) отмечала столетие Петра Драверта, когда мемориальная доска на здании Омского сельскохозяйственного института была установлена, избранные сочинения Петра Людовиковича вышли, книга о нем. Появилось вскоре после всего этого и название улицы. Появилось и вдруг по неизвестной причине исчезло. Пытался я выяснить эту причину — так и не смог. Официальные лица говорят, что не знают, а неофициальные считают, что, видимо, это из-за того, что в молодые годы входил Петр Людовикович в эсеровскую партию.

Я знаю о Драверте достаточно и говорить о нем могу много. Но сейчас предоставляю слово другому человеку.

Из воспоминаний члена КПСС с 1925 года Н. Н. Накорядова (1881—1970), однокашника Драверта по Казанскому университету:

«С Дравертом мы все время спорили, вечерами я бывал у него, пили чай и опять спорили. Драверт принадлежал к эсерам, но чисто формально. Его можно было скорее назвать политическим идеалистом-мечтателем. Он зачастую

не видел и не понимал действительных пружин революционных движений...

Я был тогда социал-демократом... и бил Драверта конкретными фактами, а он уходил от меня в туман идеологических категорий, горчился — да и я тоже — он называл меня грубым материалистом, а я его — анархизирующим интеллигентом. Словом, спорили мы крупно, что не мешало быть нам хорошими знакомыми... Ну, а когда настала пора действовать, — в 1905 году, — то Драверт полностью стал на сторону революции. Правда, и здесь он нередко действовал слишком экспансивно. Он, например, стрелял с балкона своего дома по жандармам, а когда вступил в революционную дружину, то носил через плечо на красном шарфе саблю, так, ему казалось, он полнее олицетворял революционный порядок... Я помню, он тогда был счастлив — молодой, впечатлительный, быстрый на слово и поступок, — он жил революцией, правда, воспринимая только ее романтическую сторону».

Воспоминания эти приводятся в очерке бывшего омича, писателя Виктора Уткова «Встречи с П. А. Дравертом». Я цитирую по его новосибирской книге 1970 года, но очерк этот двенадцать лет спустя был включен и в московский сборник. Надо думать, что ни один из 90 тысяч экземпляров общего тиража этих книг не попался на глаза ответственным товарищам, давшим указание замазать на стенах домов фамилию Драверта. Надо думать, этим товарищам неизвестно, что эсеры 1905 года — это не эсеры года 1918-го. И что вообще Драверт после ссылки (т. е. после 1910 года) от всякой политической деятельности отошел, весь углубившись в науку и литературу, и ни к каким партиям больше никогда не принадлежал. Что до 1917 года он демонстративно не служил на государственной службе. Что в 1919-м опять же демонстративно уехал из Омска в длительную экспедицию на Обской Север, не желая иметь ничего общего с колчаковской администрацией. Надо полагать, этим, имеющим полномочия переименовывать улицы товарищам, неизвестны многочисленные публикации, рассказывающие, что после восстановления в Омске Советской власти Петр Драверт до самой смерти верно служил ей, считая это своим долгом и счастьем. Что и умер-то в конце 1945-го, надорвав здоровье непосильной работой, которую взвалил на себя в войну...»

Среди тех, кто провожал его в последний путь морозным декабрьским днем 1945 года, был молодой писатель Сергей Залыгин.

И вот я раскрываю книгу одного из лучших наших критиков — Игоря Дедкова, называется она «Сергей Залыгин. Страницы жизни и творчества». И первое слово, которое там написано, — «Драверт». Оказывается, не случайно Залыгин, один из самых крупных сегодняшних не просто прозаиков, но и деятелей нашей культуры, постоянно ратует за то, чтобы имя Драверта было, наконец-то, по достоинству оценено.

Оказывается (цитирую книгу И. Дедкова):

«По сей день Залыгин называет три имени: Драверт, Вейков, Вернадский; три имени — три источника творческой вдохновляющей энергии, три примера служения истине, науке, Родине, человечеству».

Возможно, у тех людей, которые отдали распоряжение об учреждении бульвара Архитекторов, существуют такие аргументы, такая информация, что мне (а также всему остальному населению города) ее просто знать не положено. Как не положено знать и то, почему бывшей Почтовой улице, находящейся в самом центре города, не возвращают ее старое название после того, как про человека, имя которого она сейчас носит, сказано во всеоюзном журнале, что он был освобожден от занимаемой должности «за промахи и упущения в руководстве сельским хозяйством» нашей области (С. И. Манякин. «Сибирь далекая и близкая» — «Октябрь», 1982, № 10, с. 119). И ничего — ходим мы по этой улице, живем на ней, письма на нее со всей страны получаем — и не стесняемся. А вот имени старика Драверта, который в тяжелом 1944 году думал об этом самом сельском хозяйстве, выпуская свою брошюру «Агрономические руды Омской области», — его нам на топонимической карте города не надо.

«Старый Драверт, — читаем у Дедкова, — вряд ли одобрительно поглядывавший на ранние успехи своего юного коллеги по омскому литературному объединению, был бы теперь доволен и горд. Я понимаю, что мог бы придумать фразу поторжественнее. Мог бы вспомнить имя познатительнее. Мог сказать что-то подобное об Александре Трифоновиче Твардовском, поистине благополучившем Залыгина на новый литературный путь. Но мне важно соединить я имена, и времена, и отдать должное победившей силе «внутреннего этического уклада», без которого ни русская наука, ни русская литература не могли бы существовать и развиваться достойно».

Достойно. Этим хорошим словом я и закончу свои заметки на полях.

А. ЛЕЙФЕР